UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00283768 0

Miller, Vsevolod Fedorovich
O niekotorykh miestnykh
otgoloskakh v bylinakh

PG
3104
M49

4204 769

В. Ѳ. Миллеръ.

О НѢКОТОРЫХЪ

МѢСТНЫХЪ ОТГОЛОСКАХЪ ВЪ БЫЛИНАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1912.

11/E
52183

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/oniekotorykhmies00mill

Miller, Vsevolod Fedorovich

В. Ѳ. Миллеръ.

O niekotorykh miestnykh otgoloskakh v bylinakh

О НѢКОТОРЫХЪ

МѢСТНЫХЪ ОТГОЛОСКАХЪ ВЪ БЫЛИНАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1912.

PG
3104
M49

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль, 1912 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

LIBRARY
OCT 16 1973
UNIVERSITY OF TORONTO

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XVI (1911 г.), кн. 4-я.

О нѣкоторыхъ мѣстныхъ отголоскахъ въ былинахъ.

Въ современномъ періодѣ детальнаго изученія нашихъ былинъ давно сложилось убѣжденіе, что для уясненія ихъ прошлаго имѣютъ большое значеніе встрѣчающіяся въ нихъ собственныя имена какъ личныя, такъ и географическія. На длинномъ пути, пройденномъ той или другой былиной въ устахъ сказателей въ теченіе многихъ поколѣній, собственныя имена служатъ какъ бы вѣхами для изслѣдователей. Иногда личное имя отыскивается въ какомъ нибудь памятникѣ письменномъ опредѣленнаго времени и даетъ возможность указать точно или предположительно историческую основу или историческія наслоенія былины. Имена же географическія позволяютъ иногда изслѣдователю дѣлать заключенія о районѣ происхожденія былины или ея распространенія въ прошлыя времена. Отсюда понятно, что почти всѣ наши изслѣдователи останавливались со вниманіемъ на былинныхъ именахъ, и можно утверждать, что удѣляемое имъ вниманіе во многихъ случаяхъ не оставалось безплоднымъ. Въ дальнѣйшемъ я предлагаю спеціалистамъ нѣсколько наблюденій, сдѣланныхъ мною въ этомъ направленіи.

1. *Колыванъ-Святогоръ.* Въ одной изъ моихъ раннихъ статей[1]) (1876 года), имѣя въ виду указать на финскіе отголоски въ нашемъ эпосѣ, я, пользуясь трудами изслѣдователей финскаго фольклора Шифнера, Шотта, Кастрена, Крейцвальда, Нейса, Крузе, Видеманна и др., останавливался на сходствѣ имени былиннаго Колывана съ именемъ на-

1) «Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ»—Жур. М. Н. Пр. 1876 г. XII.

ціональнаго финскаго и эстонскаго богатыря Калева. Сближеніе именъ обоихъ богатырей было ранѣе моей статьи сдѣлано уже акад. Шифнеромъ. Позволю себѣ напомнить нѣкоторыя данныя, приведенныя мною въ 1876 году. Имя Kaleva извѣстно всюду, гдѣ слышится финская или эстская рѣчь. Главные богатыри Калевалы носятъ эпитетъ Kalevan poiat — *сыны Калева,* и въ рунахъ упоминается Kalevan kansa или Kalevan väki — родъ или народъ Калева. Герой эстскихъ народныхъ преданій, вмѣсто собственнаго имени, просто называется Калевичемъ (Kalevi poeg). По всей странѣ эстовъ и ливовъ разсѣяны воспоминанія о геройскомъ сынѣ Калева. Такъ на скалистомъ берегу недалеко отъ Ревеля показываютъ мѣсто, гдѣ былъ погребенъ его отецъ Каллевъ, и это преданіе отразилось и на старомъ русскомъ имени Ревеля *Колывань.* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показываютъ на скалахъ слѣды ступней Калева; у Садегервскаго озера близъ Юрьева виденъ огромный камень, который, по преданію, былъ брошенъ имъ во время состязанія съ братьями; близъ г. Або изъ моря выступаетъ подобный же камень, будто бы брошенный финскимъ Kalevan poika въ первую строившуюся въ городѣ церковь, но угодившій въ море; близъ мыса Юммида рядъ камней носитъ названіе дѣвъ Калева; возвышенность близъ Чудскаго озера (Пейпуса) называется ложемъ сына Калева. Одно преданіе разсказываетъ, что когда враги угрожали странѣ, великанъ Kallevi poeg вознамѣрился построиться въ другой мѣстности и отправился въ Псковъ за досками. Нагруженный двѣнадцатью дюжинами громадныхъ досокъ, онъ пошелъ въ бродъ Чудскимъ озеромъ, и вода доходила ему только до чреслъ. Пройдя озеро, онъ обратилъ въ бѣгство колдуна, вздымавшаго волны своимъ дуновеніемъ, и прилегъ отдыхать на холмѣ [1]). Эти приведенныя мною указанія на широкое распространеніе имени Калева на территоріи финновъ и эстовъ могутъ быть пополнены нѣкоторыми другими, сдѣланными покойнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ въ одной

---

1) Къ изслѣдованію Blumberg'a—Quellen u. Realien des Kalevi poeg (Dorpat 1869) приложена карта съ показаніемъ всѣхъ мѣстъ Эстляндіи, въ которыхъ народъ отмѣчаетъ слѣды Калеви поэга. См. Comparetti—der Kalevala, стр. 190 примѣч.

изъ его «Мелкихъ замѣтокъ къ былинамъ» (1896 г.[1]). Такъ «въ сѣверной части Юрьевскаго уѣзда, недалеко отъ озера Пейпуса, указываютъ на рѣчку, гдѣ сынъ Калева палъ въ борьбѣ съ вѣроломными врагами; его громадный трупъ былъ разрубленъ на нѣсколько частей и похороненъ на близлежащей возвышенности; въ лѣсу указываютъ на могильные холмы, въ которыхъ зарыты части тѣла великана... Иначе указываютъ могилу Калева на Домбергѣ въ Ревелѣ». Въ моей статьѣ 1876 года я предположилъ, что появленіе конечнаго *н* въ заимствованномъ у финновъ, русскомъ имени Колыванъ объясняется тѣмъ, что русское населеніе, слыша постоянное повтореніе имени Kalevan poika, т. е. сынъ Калева, сдѣлано изъ родительнаго падежа Kalevan имя Колыванъ. Въ настоящее время считаю возможнымъ предположить, что и финское имя Калева въ нѣсколько измѣненномъ видѣ сохранилось въ извѣстномъ преданіи о трехъ братьяхъ великанахъ, записанномъ покойнымъ Максимовымъ въ Архангельской губерніи. Припомнимъ, что преданіе разсказываетъ о трехъ братьяхъ великанахъ — Колгѣ, Жожгѣ и Кончакѣ, — перебрасывавшихся другъ съ другомъ огромнымъ котломъ[2]). Мотивъ бросанія такихъ тяжестей неоднократно въ финскихъ сказаніяхъ прикрѣпленъ къ Калевипоэгу и къ сыновьямъ Калева. Такъ мы выше видѣли, что у Садегервскаго озера съ камнемъ связано преданіе о состязаніи Калева съ братьями, и это преданіе было внесено Крейцвальдомъ въ 8-ю пѣсню поэмы о Калевипоэгѣ, гдѣ сообщается, что Калевипоэгъ бросилъ свой кусокъ скалы всего дальше и былъ братьями признанъ властителемъ Эстляндіи. Въ виду сходства въ мотивѣ я предполагаю, что въ имени одного изъ архангельскихъ братьевъ-великановъ Колга могло сохраниться въ легкой передѣлкѣ имя Калева вслѣдствіе близости звуковъ *г* (h) и *в* въ сѣверно-русскомъ произношеніи[3]), причемъ гласный *а*, какъ въ другихъ иноземныхъ словахъ, перешелъ въ русской передачѣ въ *о*, какъ, напр., въ названіи города Ревеля Колывань.

Въ нашемъ эпосѣ Колыванъ-богатырь съ его нерусскимъ именемъ

---

1) Жур. М. Нар. Пр. 1896 г. Августъ, стр. 268.

2) Максимовъ—Годъ на сѣверѣ 4-е изд., стр. 97.

3) Срвн. у Гильфердинга: Вольга и Вольва (указатель).

представляется фигурой эпизодической, мало развитой народнымъ воображеніемъ. Единственный признакъ его большая, но безплодная сила. Такъ въ одной былинѣ Гильфердинга Колыванъ вмѣстѣ въ Самсономъ и Ильей хвастаетъ силою непомѣрною и не можетъ поднять сумки съ земною тягою [1]). По содержанію былины видно, что Колыванъ сильнѣе Ильи и Самсона. Во Сибирской былинѣ Томской губерніи Колыванъ, получившій отчество Ивановича, упоминается въ числѣ другихъ богатырей на заставѣ богатырской [2]). Какъ нерѣдко бываетъ въ былинахъ, отъ имени Колывана сдѣлано отчество Колывановичъ, хотя нигдѣ не говорится, чтобы Колывановичи были сыновьями Колывана. Въ былинахъ упоминаются: Иванъ Колывановичъ, который въ числѣ другихъ стоитъ во время приступа Мамая къ Кіеву на полѣ Куликовѣ и пріѣзжаетъ по призыву Ильи Муромца [3]), но чаще Самсонъ Колывановичъ, стоящій во главѣ богатырской дружины [4]). Однако ни Колыванъ, ни Колывановичи не отмѣчены какими нибудь яркими подвигами и представляются какими то тусклыми, какъ будто полузабытыми фигурами. Сквозящее въ личности Колывана представленіе о силачѣ-великанѣ болѣе развито въ былинномъ Святогорѣ, съ которымъ Колывана сближаетъ только что упомянутый мотивъ безплоднаго подниманія сумки съ земною тягой. Если имя Колывана объясняется перенесеніемъ въ нашъ эпосъ имени финско-эстонскаго богатыря, то другія характерныя черты послѣдняго, а также прикрѣпившіеся къ нему мотивы находятъ себѣ параллели въ былинномъ изображеніи Святогора богатыря. Это сопоставленіе было развито, и, на мой взглядъ, убѣдительно въ статьѣ С. К. Шамбинаго — «Старины о Святогорѣ и поэма о Калеви-поэгѣ» (1902 г.) [5]). Разобравъ былинные варіанты о Святогорѣ-Самсонѣ, г. Шамбинаго приходитъ къ выводу, что собственно для Святогора въ старинахъ остается: 1) характеристика его, 2) эпизодъ съ отцомъ Святогора, 3) встрѣча съ гробницей, — однимъ

---

1) Онеж. былины II, 665—666.

2) Кирѣевскій I, стр. 7.

3) Кирѣевскій, I стр. 58, 60, 61.

4) См. указатель именъ въ сборникѣ Маркова—Бѣломор. былины; также мои «Очерки», т. II, стр. 33—40, 381.

5) Журн. Мин. Нар. Пр. Ч. CCCXXXIX, отд. 2, стр. 49—73.

словомъ та группа старинъ, гдѣ встрѣчается только имя «Святогоръ» (а не Самсона)[1]). На старины о Святогорѣ, по мнѣнію автора, повліяла пѣсенная обработка сказаній о Самсонѣ, но первоначально Святогоръ былъ независимымъ отъ послѣдняго былиннымъ персонажемъ. Въ основную характеристику его входятъ слѣдующія черты: онъ исполинъ («повыше лѣсу стоячаго, чуть по ниже облака ходячаго»), его «мать-земля сырая не носитъ», онъ ѣздить то можетъ только «по горамъ высокимъ, да по щелейкамъ толстымъ», потому и на Русь — на равнину ему выѣзжать «не придано». Онъ лежитъ на горѣ, которая одна его можетъ выдержать. Святогоръ — всегда на горахъ: Святыя горы — «Святогорово посельице». Исполинскому росту его соотвѣтствуетъ такая же сила: Святогорова меча никому не поднять, самъ онъ ударовъ не чувствуетъ, онъ «спущаетъ каменьи огромныя». Въ нѣкоторыхъ пересказахъ онъ считается не русскимъ богатыремъ, а какимъ то чужеземцемъ. Объ отцѣ его встрѣчается глухое указаніе, что онъ «древній да темный» (т. е. слѣпой). Имя отца неизвѣстно, но изъ нерѣдкаго отчества Святогора «Колывановичъ» можно вывести, что отцомъ его считали нѣкогда Колывана[2]). Съ другой стороны, какъ мы уже упомянули, имя Колыванъ — заступаетъ иногда имя Святогора. Характерно для Святогора, что надъ нимъ тяготѣетъ какой то рокъ: ему уготована гробница, которая не приходится въ пору Ильѣ. Но за какую вину предстоитъ ему роковой исходъ — этого былины не объясняютъ. Знакомый съ этими чертами былиннаго Святогора изслѣдователь финскаго эпоса Доменико Компаретти въ своемъ извѣстномъ (переведенномъ и на нѣмецкій языкъ) трудѣ о Калевалѣ уже сопоставилъ Святогора съ героемъ эстскихъ сказаній Калеви-поэгомъ[3]). С. К. Шамбинаго остановился детальнѣе на этомъ сопоставленіи, изложилъ вкратцѣ содержаніе всѣхъ двадцати пѣсенъ поэмы о Колеви-поэгѣ и извлекъ изъ нея данныя, сближающія сравниваемыхъ богатырей. Изъ этихъ аналогій отмѣтимъ наиболѣе яркія: 1) Имя Калеви-поэга въ связи съ горами, онъ—Горыничъ: на такую же связь съ

---

1) Н. С. стр. 54.

2) Назв. соч. стр. 55 и 56.

3) Domenico Comparetti—Il Calevala o la poesia tradizionale dei Finni. Roma 1891, p. 34. Нѣмецк. переводъ, стр. 44.

горами указываетъ и имя Святогора; 2) Калеви-поэгъ, какъ и Святогоръ, непомѣрной силы исполинъ: онъ вбродъ переходитъ Пейпусъ; когда онъ идетъ — гнется земля, сглаживаются неровности почвы; онъ бросаетъ огромные камни, его богатырскій конь, какъ конь Святогора, оставляетъ ископыть великую; 3) Мечъ у Калеви-поэга особенный, выкованный съ особыми заклятіями. Только ему одному подъ силу управлять такимъ мечомъ. Мечъ Святогора иногда не подъ силу поднять Ильѣ Муромцу; 4) Калеви-поэгъ въ поэмѣ изображается почти постоянно отдыхающимъ и спящимъ; въ былинахъ Илья наѣзжаетъ на Святогора, когда онъ дремлетъ; Святогоръ засыпаетъ въ шатрѣ, когда жена его соблазняетъ Илью; 5) Калеви-поэгъ (въ 11-й пѣснѣ) встрѣтившагося ему человѣка кладетъ къ себѣ въ дорожную сумку и продолжаетъ путь; точно также Святогоръ засовываетъ въ свой карманъ Илью Муромца; 6) Надъ обоими богатырями тяготѣетъ рокъ: какъ удары по крышкѣ гроба мечомъ Святогора вызываютъ появленіе желѣзныхъ полосъ, которыя не даютъ уже Святогору возможности выйти изъ гроба, такъ и Калеви-поэгъ погибаетъ отъ своего собственнаго меча, отсѣкшаго ему ноги, когда онъ хотѣлъ достать его изъ рѣки. (20-я пѣсня)[1]; наконецъ 7) Святогоръ носитъ отчество Колывановича; имя Калеви-поэгъ значитъ сынъ Калева. Перечисленныя аналогіи дѣлаютъ, на нашъ взглядъ, достаточно убѣдительнымъ предположеніе, что нашъ былинный Святогоръ является только въ незначительной степени обрусѣлымъ финскимъ, точнѣе эстонскимъ богатыремъ, сказанія о которомъ могли перейти къ русскому населенію сопредѣльному съ финскимъ, скорѣе всего отъ обрусѣлыхъ эстовъ. Что Святогоръ богатырь сѣвернаго происхожденія, можно было заключать уже изъ того, что былины о немъ были записаны только въ Олонецкой и Архангельской губерніи. Но, кажется, можно болѣе точно указать тотъ районъ Россіи, гдѣ этотъ типъ богатыря-великана, «неѣздившаго на

---

1) Отецъ Святогора живетъ на какой-то горѣ *Палавонской*. Не помню, были ли попытки объяснить это странное не русское названіе. Если предположить перестановку слоговъ, т. е. исходить изъ формы *Пивалонской*, то можно бы видѣть здѣсь русскую передачу финскаго Päivölän. Въ Калевалѣ упоминается миѳическая солнечная страна Päivola — родина богатырей и ея хозяинъ Päivölän isäntä. (См. Comparetti—p. 187 и 189 (нѣм. пер.).

Русь», могъ возникнуть и войти въ былинный эпосъ. Близъ Чудскаго озера (или Пейпуса), южная часть котораго у насъ зовется Псковскимъ, эстское преданіе указываетъ возвышенность, на которой лежалъ сынъ Калева; по Чудскому озеру вбродъ ходилъ Калеви-поэгъ, нагруженный двѣнадцатью дюжинами громадныхъ досокъ. Это, повидимому, ближайшія къ русскому населенію мѣста, связанныя съ преданіями объ исполинскомъ сынѣ Калева. Нашъ Святогоръ, сохраняющій въ своемъ отчествѣ «Колывановича» связь съ Калевомъ, такъ-же лежитъ на горѣ или ѣздитъ на конѣ по Святымъ горамъ. Недалеко отъ Чудскаго озера эстское преданіе указываетъ рѣчку, гдѣ палъ сынъ Калева въ борьбѣ съ врагами и гдѣ на близлежащей возвышености онъ былъ погребенъ (хотя другія преданія указываютъ его могилу и близъ Ревеля, — Колывани). Какъ эстскія преданія останавливаются на смерти и могилѣ своего богатыря-исполина, такъ и наши былины говорятъ о кончинѣ и могилѣ Святогора, причемъ къ смерти богатыря прикрѣпился старинный мотивъ о предопредѣленномъ гробѣ, извѣстный еще изъ легендъ о Тифонѣ и Озирисѣ, о Моисеѣ и Ааронѣ [1]). Заимствовавъ изъ инородческихъ преданій обликъ Святогора, русское сказанье не пріурочило, какъ эстское, могилу богатыря къ опредѣленному мѣсту, быть можетъ, именно потому, что прикрѣпило къ нему мотивъ о гробѣ. Былина лишь глухо указываетъ, что гробъ попался на встрѣчу Святогору и Ильѣ, когда они ѣздили по Святымъ горамъ, обычному району Святогоровыхъ поѣздокъ. Можно отмѣтить, что во всѣхъ былинахъ, описывающихъ встрѣчу Святогора и Ильи съ предопредѣленнымъ первому гробомъ, упоминаются *Святыя* горы [2]). Только въ одномъ варіантѣ [3]) горы по ошибкѣ названы не Святыми, а *Сиверными*. Такое прочное прикрѣпленіе Святогора къ какимъ то *Святымъ* горамъ, по которымъ онъ ѣздилъ и гдѣ нашелъ себѣ смерть, невольно вызываетъ вопросъ, откуда попали эти Святыя горы въ былину и въ какомъ отношеніи находится имя Святогоръ къ его

---

1) См. Жданова къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Сочиненія т. I, стр. 653—658.

2) См. Гильфердингъ №№ 1, 265, 260, 273; Рыбниковъ III, № 2, Ончуковъ № 61.

3) Рыбниковъ I, № 8 (Побывальщина).

мѣстопребыванію. На этотъ вопросъ пытался дать отвѣтъ покойный академикъ И. И. Ждановъ въ своей магистерской диссертаціи—«Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи» (1881 г.). Онъ видѣлъ основу былинъ о Святогорѣ въ библейско-апокрифной легендѣ о Самсонѣ, осложнившейся вліяніемъ сказокъ. По вступленіи Самсона въ ряды русскихъ богатырей у него «отыскался какой-то странный двойникъ, который то сливается съ нимъ въ одинъ поэтическій образъ (Самсонъ-Святогоръ), то отдѣляется отъ него, какъ особое эпическое лицо» [1]). Для объясненія имени этого двойника — Святогора — Ждановъ воспользовался тѣмъ, что въ одной былинѣ Гильфердинга, вмѣсто богатыря Святогора, упоминается «богатырь Святогорскій». «Эта форма», продолжаетъ Ждановъ, «Святогорскій» не оставляетъ, кажется, никакого сомнѣнія, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ прозваніемъ, съ эпитетомъ, который предполагаетъ какое то другое имя, опредѣляемое этимъ эпитетомъ. Сочетаніе именъ Самсонъ — Святогоръ (въ связи съ тожествомъ былинъ о Самсонѣ и Святогорѣ) открываетъ намъ это искомое, предполагаемое имя. Правда, въ былинныхъ пересказахъ «Самсонъ» и «Святогоръ» употребляются иногда какъ самостоятельныя личныя имена, но это только позднѣйшее измѣненіе, позднѣйшее раздвоеніе одного эпическаго образа, давшее намъ богатырей двойниковъ» [2]). Что касается имени Святогоръ, то, по мнѣнію Жданова, это имя—выраженіе смутнаго воспоминанія о библейско-апокрифномъ происхожденіи богатыря. Названія «Святая гора», «Святыя горы» примѣнялись къ мѣстностямъ, съ которыми связывались воспоминанія, имѣвшія отношеніе къ общимъ вѣрованіямъ. Святыя горы извѣстны были на Руси и по туземнымъ преданіямъ, и сказаніямъ иноземнымъ, заноснымъ. Съ именемъ Святой горы соединялись воспоминанія о библейскомъ Сіонѣ, о чудномъ Аѳонѣ, извѣстномъ по разсказамъ путешественниковъ и т. п.» [3]).

Со взглядомъ Жданова, предполагавшаго въ Самсонѣ-Святогорѣ позднѣйшее раздвоеніе одного эпическаго образа, въ основѣ котораго лежитъ библейскій Самсонъ, не согласился акад. А. Н. Веселовскій, ко-

---

1) Сочиненія, т. I, стр. 659.
2) Назв. соч., стр. 660.
3) Тамъ же, стр. 661.

торый скорѣе допускалъ, что на былиннаго Самсона могли перейти отдѣльныя черты Святогора[1]). Не соглашается съ Ждановымъ и С. К. Шамбинаго, предполагая отдѣльное отъ Самсона происхожденіе Святогора, но допуская вліяніе на послѣдняго пѣсенной обработки сказаній о Самсонѣ[2]). Этотъ взглядъ котораго я придерживался и раньше, представляется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ, и я убѣжденъ, что для сопоставленія какихъ бы то ни было параллелей для освѣщенія личности и происхожденія Святогора слѣдуетъ исходить изъ тѣхъ былинныхъ данныхъ, которыя прикрѣплены къ опредѣленному лицу, носящему имя Святогора (а не Самсона). Въ указаніи такихъ параллелей нашими изслѣдователями эпоса не было недостатка: сложилось убѣжденіе, что къ этому имени прикрѣплено не мало сказочныхъ и легендарныхъ бродячихъ сюжетовъ. Въ моемъ изслѣдованіи (1891 года) «Кавказско-русскія параллели»[3]) я, между прочимъ, привелъ кавказскія параллели почти ко всѣмъ мотивамъ, прикрѣпленнымъ къ былинному Святогору, и если считалъ ихъ еще недостаточными для утвержденія, что кавказскія сказанія о великанахъ, составляющія весьма обильный отдѣлъ народныхъ кавказскихъ сказаній вообще, непосредственно повліяли на нашихъ былинныхъ великановъ и великаншъ, то считалъ все же возможнымъ тотъ выводъ, что между кавказскими и русскими сказаніями можетъ быть намѣчено спеціальное родство, какъ бы оно ни объяснялось, и что послѣднее отчасти намѣчаетъ путь распространенія на Руси нѣкоторыхъ сказочныхъ сюжетовъ»[4]). Хотя это предположеніе было одобрено (въ 1894 г.) чешскимъ ученымъ Махалемъ[5]) и вслѣдъ за нимъ проф. В. Н. Перетцомъ[6]), однако въ настоящее время я не считаю его пріемлемымъ

1) М. Н. Пр. Ч. CCXXXI, стр. 371.

2) Н. соч. стр. 54.

3) Напечатано въ Этногр. Обозрѣніи X, 166 и слѣд. XI 1—20 и перепечатанно въ приложеніи къ «Экскурсамъ» стр. 1—36.

4) Экскурсы. Приложенія, стр. 15.

5) «Mnohem určitěji dokazuje Vs. Miller vliv kavkazských skazek na složení ruských bylin o Svjatogorovi; mínění jeho zasluhuje proto zvláštního povšimnutí, že dokazuje souvislost bylin se skazkami kavkazskými celou řadou shod». O Bohatýrském epose Slovanském, 196.

6) В. Миллеръ болѣе доказательно обставилъ вопросъ о вліяніи кавказскихъ сказокъ на русскія и на связь ихъ между собой. См. Энцикл. Слов. Брокгаузъ-Ефронъ, т. XXIX (1900 г.), стр. 268 (подъ словомъ *Святогоръ*).

по крайней мѣрѣ въ его второй части. Можно допустить, на основаніи сопоставленія мотивовъ, что между кавказскими сказаніями о великанахъ и нашими о Святогорѣ замѣчается большее совпаденіе, чѣмъ между русскими и приводимыми къ нимъ параллелями изъ другихъ источниковъ, но это, на мой взглядъ, еще не намѣчаетъ пути, по которому эти бродячіе мотивы проникли въ область, гдѣ сложились былины о Святогорѣ. Въ сущности преданія о великанахъ слагаются обыкновенно подъ впечатлѣніями природы и бываютъ особенно обильны въ мѣстностяхъ горныхъ, скалистыхъ. Какія нибудь причудливыя очертанія горныхъ вершинъ или скалъ вызываютъ представленіе объ окаменѣлыхъ людяхъ, животныхъ, и иногда о цѣлыхъ группахъ людей или стадахъ животныхъ и порождаютъ соотвѣтствующія легенды; отдѣльно лежащіе громадные камни, отторгнутые отъ скалъ, представляются набросанными какими то великанами по какому то поводу. Созданный воображеніемъ образъ великана долженъ столкнуться съ людьми, потому что въ этомъ главный интересъ для народной психики. При громадности роста великана сравнительно съ пигмеемъ-человѣкомъ послѣдній производитъ на него впечатлѣніе букашки, можетъ быть посаженъ въ карманъ. Человѣкъ, даже богатырь или нартъ, не можетъ поднять меча великана, не можетъ нанести ему чувствительный ударъ. Однако великановъ уже нѣтъ на землѣ, это древніе люди, предшествовавшіе современному мелкому человѣчеству: они слѣдовательно вымерли и вотъ являются обычно разсказы о ихъ смерти, предопредѣленной имъ судьбою. Въ сущности на интересную тему о вымершихъ великанахъ работаетъ воображеніе разныхъ народовъ въ разныхъ мѣстностяхъ по одному направленію и, при всей многочисленности, разсказы о нихъ довольно однообразны. Поэтому большее или меньшее сходство этихъ сказаній у разныхъ народовъ само по себѣ еще не можетъ намѣчать путей ихъ распространенія или подтверждать заимствованіе ихъ однимъ народомъ отъ другого безъ наличности какихъ-либо другихъ болѣе опредѣленныхъ указаній. Такъ и совпаденіе финскихъ и и эстскихъ мотивовъ, прикрѣпленныхъ къ именамъ Калеванъ-пойка и Калеви-поэга, съ мотивами, прикрѣпленными у насъ къ имени Святогора, само по себѣ, еще не даетъ намъ права предполагать заимствованіе этихъ мотивовъ русскими отъ инородцевъ. Но вѣроятнымъ дѣлаютъ

это предположеніе нѣкоторыя другія указанія (имя Колывана, отчество Святогора Колывановичъ и др.), отмѣченныя мною выше. Если Святогоръ представляется въ былинахъ иногда не русскимъ богатыремъ, стоящимъ особнякомъ отъ кіевскихъ и даже не ѣздящимъ на Русь, если онъ постоянно пребываетъ на Святыхъ горахъ, куда пріѣзжаетъ къ нему Илья Муромецъ, если, далѣе, сказанія о родственномъ ему Калевичѣ (Калевипоэгѣ) прикрѣплены къ Псковской области, гдѣ русское населеніе сталкивалось съ эстскимъ, то и Святыя горы, давшія ему прозвище Святогора, естественно прежде всего искать въ той же области, а не на Аѳонѣ и не на библейскомъ Сіонѣ. Исходя изъ этого предположенія, я припоминаю, что и въ этой области извѣстны *Святыя* горы. На Святыхъ горахъ расположенъ знаменитый псково-печерскій-успенскій монастырь, Псков. уѣзда въ г. Печорахъ, основанный въ XV вѣкѣ. Здѣсь въ горѣ, называемой Святой, издавна были извѣстны древнія пещеры. Услыхавъ о нихъ, нѣкій священникъ Іоаннъ изъ Пскова (или изъ Юрьева) построилъ первую церковь въ горѣ (въ 1473 г.) и, постригшись, принялъ имя Іоанна. Впослѣдствіи, когда монастырь расширился, игуменъ Корнилій соорудилъ здѣсь каменный храмъ Благовѣщенія и окружилъ монастырь стѣнами (въ 1558—1565 г.). Какъ извѣстно, печерскій монастырь особенно прославился неудачной осадой его Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 г. и нападеніями Лисовскаго и Густава Адольфа (въ 1611—1613 годахъ). Къ сооруженію стѣнъ Корниліемъ при Иванѣ Грозномъ прикрѣпилась въ народѣ широко-распространенная сказка о коровьей кожѣ[1]), а къ смерти Корнилія легенда, сходная съ легендой о смерти Меркурія Смоленскаго. Въ легендѣ о Св. Корниліи сохранилась память о Ливонской войнѣ и о Грозномъ царѣ Иванѣ, а имя Баторія въ формѣ Батура попало и въ былины. Словомъ, Печерскій монастырь съ его Святыми горами, пещерами, чудотворными иконами, мощами препод. Марка, Іоны, Вассы и Корнилія, его монументальными стѣнами, выдержавшими не мало нападеній, такъ какъ монастырь стоялъ на границѣ Литвы и Лифляндіи, пользовался всегда широкой славою въ русскомъ

---

1) См. мою статью «Всемірная сказка въ культурно-историческомъ освѣщеніи» въ Русск. Мысли 1893 г. Ноябрь.

населеніи. На Святой горѣ, поросшей древними дубами, разсѣяны огромные камни, которые также могли возбуждать воображеніе народа. Можно поэтому предположить, что по этимъ Святымъ горамъ, лежащимъ сравнительно недалеко отъ береговъ Псковскаго озера, связанныхъ съ эстскими преданіями о Калеви-поэгѣ, ѣздилъ былинный Святогоръ, богатырь, получившій отъ Святыхъ горъ свое прозвище[1]). — На другихъ Святыхъ горахъ Псковской губерніи въ Опочецкомъ уѣздѣ расположенъ Святогорскій успенскій монастырь, основанный около 1580 года (могила Пушкина). Высокій хребетъ горъ издревле назывался Синичьими горами о послѣ явленія чудотворныхъ иконъ горы стали называться *Святыми*[2]). Память объ этомъ Святогорскомъ монастырѣ съ конца XVI в. ежегодно возобновляется крестнымъ ходомъ во Псковъ въ Петровскій постъ[3]); такимъ образомъ названіе и этихъ Святыхъ горъ, расположенныхъ верстахъ въ 100 отъ Пскова, широко извѣстно въ населеніи этой области[4]). Не беру на себя рѣшить вопросъ, которыя изъ указанныхъ Святыхъ горъ Псковской губерніи дали прозвище былинному Святогору, но думаю, что во всякомъ случаѣ былинныя Святыя горы, куда къ Святогору

---

1) О Псково-печерскомъ монастырѣ см. гр. М. Толстой—Святыни и древности Пскова, стр. 99 и слѣд.; гр. С. Шереметевъ.—Псково-печерскій монастырь. Спб. 1895. Память о Грозномъ поддерживается въ монастырѣ нѣкоторыми принадлежавшими ему вещами. Здѣсь въ Благовѣщенской церкви хранятся: кошелекъ бархатный, сѣдло съ чепракомъ и потникомъ, жестяная охотничья труба, пороховница, ножъ, вилка и ложка костяныя (Толстой, стр. 122).

2) См. М. Толстой. Святыни и древности Пскова. Приложеніе, стр. 41.

3) Иконы Святогорскаго монастыря приносятся на рукахъ богомольцевъ до с. Тригорска, а оттуда сопровождаются на лодкѣ сначала по р. Сороти, а потомъ по Великой до с. Выбутъ. Здѣсь у такъ наз. Ольгиныхъ слудъ (подводныхъ камней) и Ольгиныхъ воротъ прекращается крестное плаваніе и иконы сухимъ путемъ приносятся во Псковъ, что бываетъ всегда въ четвергъ вечеромъ на 2-ой недѣлѣ Петрова поста; встрѣчаютъ ихъ у загородной Никитской церкви. Въ слѣдующее воскресенье (3-е Петрова поста) совершается крестный ходъ, но не вокругъ всего города, а только вокругъ средней стѣны его. Въ среду 3-й недѣли поста иконы относятся обратно въ свою обитель. См. гр. Толстой — Святыни и древности Пскова. Приложеніе стр. 21.

4) Не знаю, какія горы имѣетъ въ виду М. Евгеній на стр. 5 т. 1. Исторіи княжества Псковскаго: «Новоржевскій уѣздъ (Псков. губ.) почти до самыхъ *Святыхъ горъ* долго принадлежалъ къ городу».

пріѣзжалъ Илья Муромецъ, слѣдуетъ искать на Руси, а не на Аѳонѣ и не въ Библіи. Соотвѣтственно съ тѣмъ, что народное преданіе похоронило Илью Муромца въ Кіевскихъ пещерахъ, такъ оно же могло представлять себѣ гробъ Святогора въ пещерахъ Святыхъ горъ (можетъ быть именно другого Печерскаго монастыря не менѣе славнаго чѣмъ кіевскій). Въ одной былинѣ о смерти Святогора даже говорится, что на Святыхъ горахъ:

«Святогорово было представленіе,
Ильи Муромца было погребеніе,
Надъ верхомъ воздвигъ-то онъ чуденъ крестъ» [1]).

Во всякомъ случаѣ слагатель-сказатель этой былины представлялъ себѣ могилу Святогора, снабженную крестомъ, гдѣ то на русскихъ Святыхъ горахъ. Но въ данномъ случаѣ народное воображеніе, насколько мнѣ извѣстно, не дошло до точнаго указанія этой могилы, какъ оно указываетъ, напримѣръ, въ опредѣленномъ мѣстѣ могилу близкаго къ Святогору Самсона-богатыря и Аники-воина [2]), личностей столь же эпическихъ, какъ Святогоръ.

2. *Суханъ Домантьевичъ.* Послѣдняя по времени статья, посвященная изслѣдованію былинъ о Суханѣ Домантьевичѣ, принадлежитъ С. К. Шамбинаго [3]). Авторъ различаетъ въ ея варіантахъ двѣ редакціи и въ обѣихъ слѣды московскаго царскаго періода, точнѣе царствованія Ивана Грознаго. Черты этого періода находилъ въ былинѣ уже О. Миллеръ. Онъ видѣлъ ихъ въ полномъ, безпрекословномъ подчиненіи, «вѣрныхъ слугъ» князю Владиміру, исполняющихъ его прихоти о заключеніи въ тюрьму и объ освобожденіи, холопство и отраженіе исторической

---

1) Гильфердингъ № 265.

2) Первая указывается въ рукописномъ дневникѣ (1848—1858) странника бывшаго іеромонаха Корсунскаго единовѣрческаго монастыря, Герасима, а по лишенію сана—Григорія Панкѣева. Авторъ (на стр. 56) говоритъ, что онъ служилъ молебенъ въ мужскомъ монастырѣ Петрозаводскомъ «близко гдѣ Самсонъ богатырь». (См. Очерки II, стр. 205—внизу). О могилѣ Аники см. Жданова — Сочиненія т. I, стр. 566 и слѣд.

3) См. Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1909. Историческія переживанія въ старинахъ о Суханѣ стр. 503—515.

опричнины. Въ способѣ жалованія городами съ пригородками — начало помѣстной раздачи. Былинный Владиміръ похожъ на Грознаго и своей подозрительностью: молчаливость Сухана на пиру для него не безразлична. Недовѣріе Владиміра къ разсказу Сухана о его подвигѣ—истребленіи огромной, угрожавшей Кіеву, татарской рати — и неблагодарность напомнили О. Миллеру ту пору, когда спаситель Руси отъ крымскихъ татаръ — князь Воротынскій — былъ изжаренъ на угляхъ Иваномъ IV[1]). Съ своей стороны С. К. Шамбинаго, видя основной мотивъ былины въ опалѣ князя на побѣдителя и смерти послѣдняго, спрашиваетъ, чему же поэтической иллюстраціей можетъ служить это сказанье, и ищетъ отвѣтъ въ воспоминаніи о любомъ изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ эпохи Ивана Грознаго, которымъ даетъ общую оцѣнку князь Андрей Курбскій, перечисляющій цѣлый списокъ доблестныхъ стратилатовъ, украшенныхъ славными военными заслугами, храбрыхъ «нагубниковъ басурманскихъ и оборонителей крайнъ христіанскихъ», которыхъ Иванъ Грозный «всенароднѣ погубилъ». Особенно близокъ къ 1-й редакціи былины передаваемый Курбскимъ эпизодъ съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ (въ чемъ г. Шамбинаго согласенъ съ О. Миллеромъ). «Перекопскій царь со всей силой басурманской пошелъ на Русь... Грозный бѣжалъ въ Новгородъ... а землю боронить повелѣлъ Воротынскому. Крѣпкій и мужественный воевода началъ великую битву «съ тѣмъ такъ сильнымъ звѣремъ бусурманскимъ». Нѣсколько дней длился бой, кончившійся полнѣйшимъ разгромомъ татаръ и плѣненіемъ знатныхъ вельможъ...». Что же воздалъ (Иванъ) за сіе ему службу?» — спрашиваетъ Курбскій. Подыскавъ лжесвидѣтеля, Иванъ по навѣту его предалъ героя лютому мученію, а потомъ повелѣлъ отвезти его въ темницу на Бѣлое озеро, но князь умеръ». Не являясь отраженіемъ именно этого факта, говоритъ г. Шамбинаго, сказанье о Суханѣ все же является болѣе близкимъ отголоскомъ подобнаго рода поступковъ Ивана Грознаго, чѣмъ того лѣтописнаго извѣстія о Демьянѣ Куденевичѣ, съ которымъ сближали Сухана сначала проф. Халанскій, потомъ г-жа А. С. Якубъ[2]).

---

1) Назв. соч., стр. 507.
2) Назв. соч. стр. 507.

Не имѣя въ виду, послѣ статей г-жи Якубъ и С. К. Шамбинаго, въ этой замѣткѣ, пересматривать былину о Суханѣ, ограничусь заявленіемъ, что отголоски XVI вѣка, усмотрѣнные въ ней О. Миллеромъ и С. К. Шамбинаго, и мнѣ представляются достаточно обоснованными. Скажу больше: у меня сложилось убѣжденіе, проводимое мною уже нѣсколько лѣтъ въ моихъ лекціяхъ, что XVI вѣкъ, особенно его вторая половина, былъ періодомъ «реставраціи» старыхъ былинныхъ сюжетовъ соотвѣтственно съ современными историческими условіями и общественными понятіями. Предоставляя себѣ развить этотъ взглядъ въ другомъ изслѣдованіи, я остановлюсь въ былинѣ о Суханѣ только на одномъ имени, точнѣе на отчествѣ «Домантьевичъ». Думаю, что мы значительно подвинулись бы впередъ въ вопросѣ о происхожденіи былины, о времени сложенія ея прототипа, если бы нашли въ письменныхъ памятникахъ какого-нибудь историческаго Сухана, который могъ бы объяснить внесеніе этого имени въ былину. Къ сожалѣнію такого лица до сихъ поръ никто не указалъ, а нерѣдкое употребленіе этого личнаго имени въ XVI и XVII столѣтіяхъ вообще не объясняетъ намъ, почему именно оно было придано богатырю, совершившему большой подвигъ — избіеніе враговъ — и погибшему отъ полученныхъ ранъ. Не имѣя никакихъ новыхъ данныхъ для объясненія имени Сухана, обратимся къ его отчеству, но прежде позволю себѣ сдѣлать нѣкоторыя наблюденія надъ былинными отчествами.

Былинныя отчества иногда могутъ имѣть не меньшее значеніе для изслѣдованія, чѣмъ имена. Конечно дѣло идетъ не о шаблонномъ отчествѣ вродѣ «Ивановича», которое въ разныхъ былинахъ прилагаются, за отсутствіемъ другихъ, къ цѣлому ряду эпическихъ лицъ, напримѣръ, Ильѣ Муромцу, Дунаю, Дону, Василію, Касьяну, Михаилу Потыку, Роману, Екиму и другимъ, и не объ отечествахъ, повторяющихъ личное имя, вродѣ: Калинъ Калиновичъ, Константинъ Константиновичъ, Батыга Батыговичъ и др. Я имѣю въ виду отчества мало употребительныя такъ какъ ихъ иногда можно объяснить, какъ память, точнѣе отголосокъ памяти о какомъ-нибудь историческомъ лицѣ, которое надолго запечатлѣлось въ народѣ и о которомъ въ былыя времена ходили преданія. Такъ прикрѣпленіе къ Святогору отчества «Колывановичъ» указываетъ

на какую то связь Святогора съ этимъ богатыремъ, также извѣстномъ, какъ мы видѣли, въ былинахъ. Такъ отчество Добрыни «Никитичъ» свидѣтельствуетъ, о популярности въ народѣ историческаго лица, носившаго это имя. Такимъ лицомъ былъ Никита Романовичъ, братъ Анастасіи Романовны, первой, любимой царемъ и народомъ, жены Грознаго. Дѣйствительно, нѣкоторыя былины, какъ извѣстно, называютъ Никиту Романовича отцомъ Добрыни [1]). Можно думать, что наслѣдованный преданіемъ древній Добрыня ранѣе не носилъ отчества и получилъ его только въ царствованіе Грознаго. Быть можетъ и имя Настасьи стало популярнымъ эпическимъ именемъ преимущественно добродѣтельныхъ женъ (Добрыни, Дуная) съ этого же періода.

Отчество Романовичъ, отдѣлившись отъ Никиты, историческаго и эпическаго, прикрѣпляется иногда къ молодому атаману каликъ Михаилу [2]) и даже къ князю Пожарскому Семену [3]). О народной симпатіи къ Микулѣ Селяниновичу свидѣтельствуетъ выборъ отчества «Микуличны» для мужественной жены Ставра Василисы и преданной жены Добрыни Настасьи (или Натальи). Въ отчествѣ Запавы Путятичны, или Анны [4]), можно усматривать былую популярность имени Путяты, о которомъ уже ничего не извѣстно современнымъ былинамъ. Если татарскій царь Азвякъ (т. е. Узбекъ) носитъ отчество Таврульевича, то оно можетъ свидѣтельствовать о томъ, что въ то время, когда оно къ нему прикрѣпилось, въ народѣ еще было извѣстно имя Товрула (Холстоврула), шурина Батыева, упоминаемаго въ сказаніи о батыевомъ приводѣ на Русь. Отъ извѣстнаго въ тверскомъ преданіи Щелкана Дудентьевича его отчество перешло въ одной былинѣ [5]) къ женѣ Соловья Разбойника Акулинѣ Дудентьевнѣ, соотвѣтственно съ тѣмъ, что и самъ Соловей получилъ въ другой былинѣ отчество Ахматовича, произведенное отъ имени хана Ахмата, покушавшагося разорить Русь, но неудачно (1480 г.). Отчество Сеславичъ (Всеславичъ) князя Владимира и Волха и Всеславьевны —

---

1) Напр. Ончуковъ. Печорскія былины. 97. 247. 258—259. Тихонр. Миллеръ. II № 15. Марковъ, Бѣломорск. былины №№ 46. 71. 108 и друг.

2) Гильфердингъ, II, 624.

3) См. Кирпу Данилова. изд. Шеффера. стр. 121—123.

4) Ончуковъ. Печорскія былины. стр. 46—47.

5) Рыбниковъ, II, 296.

Марфиды, похищенной змѣемъ и освобожденной Добрынней, повидимому, свидѣтельствуетъ о томъ, что когда то жили въ народѣ какія то преданія о Всеславѣ (можетъ быть Полоцкомъ?). Печальной памяти Малюта Скуратовъ отдалъ свое отчество въ одной былинѣ [1]) злокозненному Таракашкѣ Скурлатьевичу, а свое имя своей, отравившей Скопина, сестрѣ, названной въ одной былинѣ Малютой Скуратьевной [2]). Впрочемъ, иногда эта коварная женщина называется и наоборотъ: Скурлата Малютична [3]).

Изъ приведенныхъ наблюденій позволю себѣ сдѣлать тотъ выводъ, что не только историческія имена остаются въ народной памяти гораздо долѣе, чѣмъ связанныя съ ними преданія, но что такія имена иногда могутъ продолжать свою жизнь въ народныхъ устахъ, прикрѣпляясь въ видѣ отчества къ другимъ историческимъ или эпическимъ именамъ. Съ этой точки зрѣнія мы обратимъ теперь вниманіе на отчество Сухана Домантьевича. Исходимъ изъ этой формы потому, что она засвидѣтельствована старѣйшими по времени записями: Суханъ Домантьевичъ (въ Сказаніи о Кіевскихъ богатыряхъ по рукописи XVII вѣка Буслаева) [4]) и у Кирши Данилова [5]). Та же форма отчества сохранилась въ былинѣ, давно занесенной на р. Колыму, во всякомъ случаѣ ранѣе 19-го столѣтія [6]). Позднѣйшія искаженія имени и отчества богатыря: Сухманъ, Сухмантій, Сухматій — Долмантьевичъ, Одихмантьевичъ, Замантьевичъ могутъ быть оставлены безъ вниманія. Итакъ отчество Домантьевичъ можетъ восходить къ имени знаменитаго Псковскаго князя, литвина Доманта (или Довмонта) конца 13-го столѣтія, принявшаго въ крещеніи имя Тимоѳея и причисленнаго къ лику святыхъ.

---

1) Рыбниковъ, III, 242.

2) Ончуковъ — Печор. былины. № 5.

3) Тамъ же, стр. 324—325. Можетъ быть и необычное отчество Марина Кайдаловна находится въ связи съ именемъ одного изъ воеводъ Батыя *Кайдара*. Въ Никон. лѣт. изд. 1786 г. Ч. III, стр. 7. Подъ 1240 г., въ описаніи нашествія Батыя читается: «Яша же тогда Кияне татарина именемъ Таврула. и той сказа и всѣхъ князей сущихъ с нимъ великихъ и силу безчисленну; а сні бяху его братия велицыї и сильни воеводи его: Урдюй, Байдаръ, Бирюй, *Каидаръ*, Бечаръ, Менгай, Куюксъ. Сей же и возвратися вспять увидевъ смерть Канову».

4) Былины старой и новой записи, I, стр. 47.

5) Изд. Шеффера, стр. 153.

6) Былины новой и недавней записи, стр. 205—218.

Въ исторіи Пскова Домантъ самая крупная фигура, всего болѣе близкая къ типу эпическаго героя. Псковскіе лѣтописцы съ увлеченіемъ останавливаются на его подвигахъ, какъ на славномъ періодѣ исторіи родного города, прославляя и, вѣроятно, преувеличивая ихъ. Его героическая карьера начинается съ перваго года его прибытія въ Псковъ, крещенія и избранія княземъ. Въ отмщеніе за набѣги своихъ соотечественниковъ на псковскія области, Домантъ, по свидѣтельству лѣтописца, съ незначительной дружиной, числившей лишь три девяноста псковичей, вторгнулся въ литовскіе предѣлы, опустошая ихъ, взялъ въ плѣнъ жену князя Герденя и въ полономъ возвращался въ городъ; перебродившись чрезъ Двину, онъ поставилъ шатры свои за пять верстъ отъ рѣки, оставивъ на ней стражу. Затѣмъ онъ отпустилъ двѣ трети своего ничтожнаго войска въ Псковъ, а самъ остался на мѣстѣ, выжидая погони. Литовскіе князья Гердень и другіе съ 700 человѣкъ дѣйствительно погнались за Домантомъ и перебродились чрезъ Двину. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Домантъ бросился на литовцевъ и съ своей дружиной въ 90 воиновъ разбилъ и прогналъ гораздо болѣе многочисленныхъ враговъ; при этомъ убитъ былъ литовскій князь Готортъ и нѣсколько другихъ князей. Изъ преслѣдуемыхъ литовцевъ многіе утонули въ Двинѣ, другіе выброшены были на острова. Одержа эту блестящую побѣду, Домантъ съ ликованіемъ былъ встрѣченъ въ Псковѣ [1]). Такъ же удаченъ былъ походъ Доманта вмѣстѣ съ новгородцами, съ княземъ Димитріемъ Александровичемъ и съ дружинами великаго князя Ярослава въ 1268 году противъ ливонскихъ рыцарей (или божьихъ дворянъ, какъ ихъ называютъ лѣтописи). Союзныя русскія дружины пошли къ г. Раковору (Везенбергу) и опустошили по пути всю страну. На рѣкѣ Киголѣ (18 февраля) произошло великое побоище, въ которомъ пало много русскихъ, но еще болѣе нѣмцевъ. Нѣмецкое ополченіе было разбито на голову; русскіе преслѣдовали его на протяженіи 7 верстъ [2]). Затѣмъ князь Дмитрій,

---

1) См. Полн. Собр. лѣтоп. IV, стр. 180 и слѣд., Софійскій Временникъ I, стр. 215.

2) См. описаніе Раковорской битвы въ лѣтописи Абрамки (П. С. Р. Л. XVI, стобл. 53 и 54).

простоявъ 3 дня на костяхъ, вернулся въ Новгородъ, а князь Домантъ пошелъ дальше по нѣмецкой землѣ на Вируянты, опустошилъ всѣ области до моря и съ огромнымъ полономъ вернулся въ Псковъ. Слава объ этомъ, по словамъ лѣтописцевъ, разнеслась по всѣмъ странамъ[1]).

Лѣтописи упоминаютъ далѣе о пораженіи Домантомъ нѣмцевъ (поганой латыни) въ 1271 году. Въ отмщеніе за ихъ набѣгъ на нѣкоторыя псковскія села, Домантъ съ 60 псковичами разбилъ на р. Мироповнѣ 800 нѣмцевъ. Два посада (судна) нѣмцевъ искали убѣжища на острову рѣки, Домантъ поджегъ на немъ траву, нѣмцы убѣгали съ горящими волосами, многихъ изъ нихъ изрубили, другихъ утопили въ рѣкѣ[2]). Въ слѣдующемъ 1272 году местеръ земли рижской, т. е. магистеръ ливонскаго ордена, чтобъ отмстить за пораженіе, въ большой силѣ приступилъ къ Пскову, на корабляхъ и коняхъ, похваляясь, какъ говоритъ Софійскій Временникъ, разорить церкви, Доманта руками взять, псковичей изсѣчь, женъ и дѣтей взять въ плѣнъ. Домантъ послѣ усердной молитвы, не дождавшись помощи отъ Новгорода, съ малой дружиной разбилъ нѣмцевъ и ранилъ самого местеря мечомъ въ лицо[3]). Затѣмъ въ лѣтописяхъ свѣдѣнія о Домантѣ на нѣсколько лѣтъ прекращаются до 1299 года, на который падаетъ его послѣдній славнѣйшій подвигъ и кончина. Въ мартѣ этого года нѣмцы опустошили окрестности Пскова, разорили нѣсколько монастырей и обложили городъ. Домантъ отважно выступилъ противъ нихъ, напалъ на нихъ на рѣкѣ Великой 4-го марта и разбилъ на голову. «Бысть сѣча зла, яко николи же така не была у Пскова», говоритъ лѣтописецъ (Соф. Врем. подъ 1299 г.). Вскорѣ послѣ этого (20-го мая) Домантъ скончался и былъ оплакиваемъ всѣмъ городомъ.

Изъ приподнятаго тона лѣтописнаго и житійнаго повѣствованія о Домантѣ, изъ невѣроятной несоразмѣрности силъ, съ которыми онъ поражаетъ иногда въ десять разъ болѣе многочисленныхъ враговъ—видно, что личность Доманта производила на современниковъ сильное впеча-

---

1) П. С. Р. Л. IV, Псковская 1-я лѣтоп. стр. 182, Софійскій Временникъ II, стр. 280.

2) Соф. Времен. I, стр. 284; Псков. I-й лѣтопись подъ 6779 годомъ.

3) Соф. Времен. I, стр. 285.

тлѣніе, впечатлѣніе какого то былиннаго богатыря, избивающаго цѣлыя полчища враговъ. Лѣтописецъ сравниваетъ его съ греческимъ Акритомъ: «И бысть побѣжая, говоритъ онъ, и не бѣ побѣдимъ, яко же бѣ и Акрита, единъ побѣжая полки въ крѣпости силы своея [1]). Понятно, что память о героическомъ князѣ Домантѣ, или св. Тимофеѣ, долго жила въ псковскомъ населеніи, что ближайшія къ нему поколѣнія еще знали разсказы о его подвигахъ, конечно, разукрашенные фантазіей, а дальнѣйшія — знали его имя, какъ героя древности. Память о немъ была связана съ Довмонтовой стѣною, выстроенной имъ, примыкающей къ Псковскому Кремлю съ южной стороны и образующей четвероугольную продолговатую площадь [2]), о Домантѣ напоминала его гробница въ Троицкомъ соборѣ и висящій близъ нея его мечъ [3]). О немъ же говорило житіе св. Тимофея [4]). Въ Псковской лѣтописи подъ 6881 (1373) годомъ отмѣчено построеніе *каменной* церкви Святого Тимоѳея-Доманта [5]), вѣроятно, не первой церкви, посвященной его памяти [6]).

Широкая извѣстность славнаго имени Доманта въ псковскомъ краѣ можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для появленія этого имени въ былинахъ, но уже какъ отчества другого богатыря. Если въ отчествѣ «Колывановичъ» можно видѣть отголосокъ преданій, ходившихъ нѣкогда въ опредѣленномъ районѣ, то такое же заключеніе дозволено сдѣлать изъ отчества «Домантьевичъ» и усматривать въ немъ послѣдній отголосокъ псковскихъ преданій о князѣ Домантѣ. Этимъ выводомъ изъ приведенныхъ фактовъ пока можно ограничиться. Было бы рискованно вывести дальнѣйшее предположеніе, что сама былина о Суханѣ представляетъ

---

1) П. С. Р. Лѣт. IV стр. 183. Лѣтоп. свѣдѣнія о Домантѣ см. въ Ист. княж. Псковскаго М. Евгенія. Ч. II, стр. 10—15; также въ Никонов. лѣт. Ч. III, изд. 1786 г., стр. 55.

2) М. Толстой—Святыни и древности Пскова, стр. 47.

3) Тамъ же, стр. 31.

4) См. житіе его по рукописи XVI в. Троицко-Серг. лавры (Кат. № 694, листъ 152—186) въ приложеніи I къ книгѣ гр. М. Толстого Святыни и древн. Пскова, стр. 3—7.

5) П. С. Р. П. IV подъ годомъ 6881.

6) Кстати замѣчу, что въ письменныхъ источникахъ въ лѣтописи и житіяхъ, имя псковскаго героя встрѣчается всего чаще въ формахъ *Домантъ* и *Домонтъ*. Форму Домантъ см. П. С. Р. Л. IV, стр. 181.

позднѣйшую переработку древнѣйшаго псковскаго народнаго сказанія, ранѣе прикрѣпленнаго къ имени Доманта, которое было, напримѣръ, въ XVI вѣкѣ вытѣснено именемъ какого то Сухана, причемъ имя Доманта перешло въ отчество. Конечно не трудно было бы въ содержаніи былины указать черты, сближающія его съ чертами преданій о подвигахъ Доманта. Суханъ истребляетъ татаръ при рѣкѣ Нѣпрѣ, Домантъ многократно разбивалъ враговъ на рѣкахъ (Двинѣ, Киголѣ, Мироповнѣ, Великой) и топитъ ихъ въ водѣ; какъ Суханъ послѣ пораженія татаръ на Нѣпрѣ умираетъ, такъ самый славный подвигъ Доманта, спасшій Псковъ отъ нѣмецкихъ полчищъ, произошелъ на рѣкѣ Великой близъ города и связанъ съ его кончиной. Спасенію Кіева отъ татаръ соотвѣтствуетъ спасеніе Пскова отъ нѣмцевъ. Но, повторяю, всѣ такія предположенія едва ли могутъ разсчитывать найти болѣе или менѣе твердую почву, и потому я не рѣшаюсь идти далѣе лишь того заключенія, что въ отчествѣ Сухана Домантьевича сохранился слѣдъ мѣстной псковской памяти о князѣ-героѣ Домантѣ.

Вс. Миллеръ.

9P15

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3104
M49

Miller, Vsevolod Fedorovich
O niekotorykh miestnykh
otgoloskakh v bylinakh

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 12 19 11 008 4